

Н. Н. Головченко

*Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия*

*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия*

nikolai.golowchenko@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЯСНЫХ КРЮЧЬЕВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

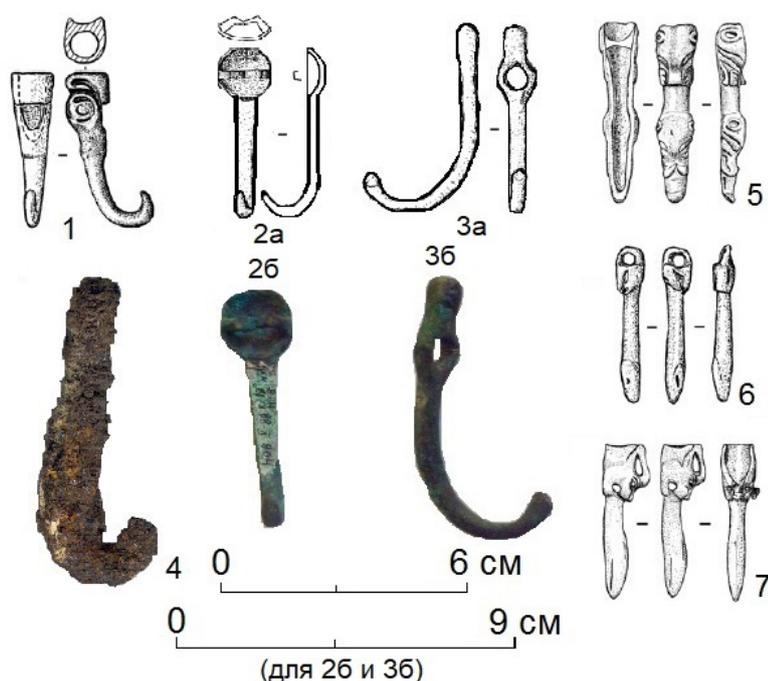
Работа посвящена проблемам типологии поясных крючьев, широко распространенных на памятниках различных культур степного пояса Евразии в эпоху раннего железа. Рассматривается историография вопроса. Обсуждаются варианты функционального использования поясных крючьев. Предлагается новая типология изделий, включающая в себя как крючья со щитком, так и крючья без щитка. В качестве категории предлагается рассматривать поясные крючья; группы выделять по материалу изготовления (металлические, костяные, деревянные); таксоны отдела дифференцировать как изделия со щитком и без него (возможно, на этом уровне играет роль и определенное функциональное различие крючков: со щитком – застежки, без щитка – колчаные крючья); типы крючьев разделить исходя из совокупности характерных морфологических признаков; разделы вида выделять по стилистическим особенностям оформления. В работе приводится также широкий круг аналогий рассматриваемым находкам с памятников Верхнеобского бассейна и сопредельных территорий. Но вопросы о первичности появления типов крючков остаются дискуссионными.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, поясные крючья, типология.

Изучение предметного комплекса одежды населения степного пояса Евразии эпохи раннего железа является одной из актуальнейших задач отечественной археологии. Особое внимание исследователей в связи с его изучением обращено на мобильные элементы костюма, такие как поясные крючья. Рассмотрению находок этой категории (см. рисунок) на территории юга Западной Сибири посвящена настоящая работа. В отечественной историографии вопросы изучения поясных крючьев эпохи раннего железа рассматривались уже неоднократно. К наиболее важным проблемам, вызывающим острые дискуссии, следует отнести спор о типологии, происхождении и распространении данной

категории артефактов. Особое внимание решению этой научной задачи уделил В. И. Гуляев, выявляя регион возникновения орнаментированных поясных крючьев со щитком. Автор дал подробное описание этих изделий, привел аналогии на широчайшем археологическом материале, определяя область возникновения описанных артефактов территорией Среднего Дона [Гуляев, 2016].

Отметим, что типология крючьев, используемая им, отличается от предложенных В. Г. Петренко [1978] и В. С. Ольховским [1999] главным образом тем, что категория изделий «поясные крючья со щитками», подразделяются на типы, в свою очередь, отличающиеся по стилистике ор-

Поясные крючья и костыльки из погребений некрополя Новотроицкое-1:

1 – бронзовый крючок; 2а – рисунок и 2б – фото бронзового крючка; 3а – рисунок и 3б – фото бронзового крючка; 4 – железный крючок; 5, 6 – бронзовые костыльки с зооморфным орнаментом (по: [Шульга и др., 2009. С. 320])

наментации (крючья с медвежьим¹, грифовым, волчьим, кошачьим, кабаньим изображением).

Применение подобного подхода нам представляется не вполне оправданным, поскольку его обоснованность при ближайшем рассмотрении упирается в вопрос: что первично – предмет или его орнаментация? Мы считаем, что первична вещь, а стилистика оформления предмета определяется его морфологией. Ввиду этого более работоспособной нам представляется иная типологическая схема поясных крючьев степного пояса Евразии эпохи раннего железа.

В качестве категории мы предлагаем рассматривать поясные крючья; группы выделять по материалу изготовления крючьев (металлические, костяные, деревянные²);

таксоны отдела крючьев дифференцировать как изделия со щитком и без него (возможно, на этом уровне играет роль и определенное функциональное различие крючков: со щитком – застежки, без щитка – колчаные крючья); типы крючьев разделять исходя из совокупности характерных морфологических признаков изделий, как это делает В. С. Ольховский³; разделы вида выделять по стилистическим особенностям оформления крючьев.

Главное отличие предлагаемого типологического древа от варианта В. И. Гуляева заключается в рассмотрении поясных крючьев в их совокупности, не позволяющем исключать из исследования находки, происходящие из разных регионов скифо-сакского

¹ В. И. Гуляев утверждал, что металлических поясных крючьев с медвежьими изображениями на юге Западной Сибири не обнаружено. Это действительно так, однако такой орнамент известен на поясных подвесках-костыльках некрополя Новотроицкое-1 [Шульга и др., 2009. С. 320, рис. 1, 5, 6].

² Под вопросом для регионов с плохой сохранностью органики, но они есть в пазырыкских комплексах (Юстыд IV [Кубарев, 1991. Табл. LII]).

³ Типообразующими признаками являются различные сочетания способов оформления крючьев (ровный из единого прута, сужающийся из единого прута и т. д., с круглым или треугольным петлевидным навершием и т. д., способ крепления шпеньков, скоба, петля). Пример описания находки крючка по данному шаблону выглядит следующим образом: «...обнаружен металлический крючок, без щитка, изготовленный из равномерно утолщенного проволоочного прута, навершие оформлено в форме петли, декоративных украшений не имеет».

мира. Например, у В. И. Гуляева полностью исключаются из исследования поясные крючья пазырыкской и большереченской археологических культур. Применительно к пазырыкской культуре В. И. Гуляев отмечал, что там не обнаружено ни одного «металлического поясного крюка», вероятно, подразумевая крюки со щитком [2016. С. 32]. В другом месте труда «Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание» автор утверждал, что в пазырыкской культуре вовсе отсутствуют изображения грифонов, выполненные на металле («...в местных погребальных памятниках практически нет ни одного образа орлиноголового грифона, воплощенного в металле») [Там же. С. 32, 48].

В связи с этим у нас имеется несколько замечаний. Во-первых, металлические крючья в пазырыкских памятниках присутствуют на некрополях Барбургазы I [Кубарев, 1992. С. 150, 171, 178], Уландрык IV [Кубарев, 1987. С. 279], Чултуков Лог-1 [Бородовский, Бородовская, 2013. С. 153, 154, 172] и др. Во-вторых, неверными нам представляются суждения об отсутствии в пазырыкской культуре поясных крючков со щитком и других металлических изделий с изображениями грифонов. К примеру, поясной крюк без щитка со стилизованной головой грифона выявлен на памятнике Барбургазы I [Кубарев, 1992. С. 171], бронзовый крюк со щитком, оформленным в виде птицы, обнаружен в Уландрыке IV [Кубарев, 1987. С. 279], а на памятнике Чултуков Лог-1 А. П. Бородовским были найдены два бронзовых крюка с небольшими неоформленным щитками [Бородовский, Бородовская, 2013. С. 153, 154]. Данные находки пока нельзя считать массовым материалом. Обычно они связывались с культурным влиянием сопредельных территорий Саяно-Алтая, но все же делать категоричные выводы об их отсутствии нам представляется преждевременным.

Еще одним регионом находки поясных крючьев, в памятниках которого они не учитываются В. И. Гуляевым, является Верхнее Приобье. Между тем вопросы изучения колчаных крючьев из этого региона обширно отражены в исследовательской литературе. Колчанными они названы в силу того, что зачастую оказывались обнаруженными слева от погребенного, рядом с наконечниками стрел и другими компонентами «пояса стрелка» [Могильников, 1997. Рис. 47;

Шульга и др., 2009. С. 172]. На самом деле такая интерпретация крючков не вполне верна. Они были найдены справа от погребенного, без наконечников стрел в одном из погребений некрополя Ордынское-1 [Завитухина, 1968], обнаружены на тазовых костях и в районе пояса погребенных на памятнике Староалейка-2 [Кирюшин, Кунгуров, 1996. С. 118], в районе колен захороненных на Обских Плесях-2 [Ведянин, Кунгуров, 1996. С. 89], Фирсово-14 [Федорук и др., 2013. С. 64–78] и Новотроицкое-1 [Шульга и др., 2009. С. 14]. Такая аморфность топографии находок ставит под вопрос способность крючьев маркировать второй – стрелковый – пояс, надетый на погребенного, как считал В. Д. Кубарев. Более того, под сомнение попадает и ранее не вызывавшее возражений безоговорочное отнесение их к элементам поясного набора, поскольку они могли являться частью портупей.

Некоторые авторы указывали на возможность использования крючьев в качестве застежек [Ведянин, Кунгуров, 1996. С. 89]. Исходя из этого нам представляется более уместным вслед за А. П. Бородовским использовать при описании данной категории находок термины «металлический крюк» или «поясной крюк» [Троицкая, Бородовский, 1994; Бородовский, Бородовская, 2013. Рис. 60, 4]. Не исключено, что для подвешивания снаряжения или застегивания пояса гораздо шире, чем думают исследователи, использовались деревянные крючья. Нам известен один целый деревянный поясной крюк, найденный *in situ* на памятнике Юстыд IV [Кубарев, 1991. Табл. LI].

Всего из исследовательской литературы нам известно более 60 находок поясных крючьев (см. рисунок, 1–4), происходящих из памятников Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э.: могильники Ближние Елбаны-3 [Грязнов, 1956. Табл. XXVI, 9], Ордынское-1 [Завитухина, 1968], Камень-2 [Могильников, Куйбышев, 1982. Рис. 5, 10], Обские Плесы-2 [Ведянин, Кунгуров, 1996], Староалейка-2 [Кирюшин, Кунгуров, 1996], Фирсово-14 [Федорук и др., 2013], Масляха [Могильников, Уманский, 1982; Уманский, Телегин, 1990] и Новотроицкое-1, -2 [Шульга и др., 2009. С. 172], Быстровка-1, 2, 3 [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 162], Раздумье IV [Там же. С. 173] и др. В большинстве случаев они обнаружены в погребениях мужчин.

Наиболее распространенные типы: 1) металлические крючья, без щитка, изготовленные из равномерно утолщенного прута с петлевидным навершием для подвешивания, без стилизации (15 шт.); 2) металлические крючья, без щитка, изготовленные из сужающегося к окончанию прута с петлевидным навершием для подвешивания, без стилизации (10 шт.); 3) металлические крючья, без щитка, изготовленные из равномерно утолщенного прута с петлевидным навершием для подвешивания, со стилизованной головой грифона (5 шт.); 4) металлические крючья, без щитка, изготовленные из сужающегося к окончанию прута с петлевидным навершием для подвешивания, со стилизованной головой грифона (3 шт.); 5) металлические крючья, со щитком, со скобой для крепления к поясу, без стилизации (6 шт.); 6) металлические крючья, со щитком, со шпеньком для крепления к поясу, без стилизации (4 шт.); 7) костяные крючья, без щитка, равномерно утолщенные с петлевидным навершием для подвешивания, без стилизации (8 шт.); 8) костяные крючья, без щитка, сужающиеся к окончанию, с петлевидным навершием для подвешивания, без стилизации (7 шт.); 9) костяные крючья, без щитка, равномерно утолщенные со шпеньком для подвешивания, без стилизации (5 шт.); 10) костяные крючья, со щитком, равномерно утолщенные со шпеньком для подвешивания, без стилизации (4 шт.).

Находки представлены в основном металлическими без щитка изделиями разного сечения и способа оформления крепления-навершия с петлей, шпеньком или скобой. Крючки с небольшими щитками выявлены на памятниках Ордынское-1 [Троицкая, Бородавский, 1994. С. 143] и Новотроицкое-1 [Шульга и др., 2009. Рис. 120, 16], изделия с зооморфной стилизацией (грифон) – на памятниках Новотроицкое-1, 2 [Шульга и др., 2009. Рис. 12, 16] и Масляха. Основная масса находок представлена сильно корродированными железными крючьями.

Схожие поясные крючья обнаруживаются и на памятниках сопредельной Барабинской лесостепи. Так, например, металлические поясные крючки со щитком без стилизации найдены на могильнике Марково-1 саргатской археологической культуры [Полосьмак, 1987. Рис. 37, 4] и памятнике Осинцево-3 большереченской культурно-исторической общности [Там же. Рис. 47, 24].

Как уже отмечалось, топография находок разнообразна, зависела, вероятно, от функционального использования крючьев: в качестве застежки или одного из устройств, обеспечивающего крепление горита к поясу. Поэтому в погребениях они располагались слева от умершего в комплекте с набором стрелка в тех случаях, когда на крючок подвешивали колчан, или справа и на тазовых костях – когда крючком застегивали пояс. Примечательно, что находок в одном контексте поясного крючка и пряжки или блока в погребениях Верхнего Приобья эпохи раннего железа нами не отмечено.

На территории Верхнего Приобья, своего рода транзитного региона, поясные металлические крючья, по мнению ряда исследователей, появились в VI–V вв. до н. э. [Могильников, 1997; Троицкая, Бородавский, 1994]. Дата устанавливается довольно четко ввиду наличия естественнонаучных датировок одного из опорных памятников изучаемой культурно-исторической общности – Быстровка [Бородавский, 2009. Рис. 27]. Так, металлические поясные крючья с маленькими нестилизованными щитками, скобами для крепления и изделия с петлевидными навершиями без щитков найдены в кургане 9 (V в. до н. э.) Быстровки-2. Костяной поясной крючок из Быстровки-1 также датируется этим временем. Еще один пример, знаменитый своим хронологическим парадоксом, – курган 6 Быстровки-2, где среди инвентаря эпохи раннего железа выявлен предмет более ранней ирменской культуры и найден металлический поясной крючок с навершием в виде треугольной петли [Бородавский, 2009. С. 60–61. Рис. 22]. А. П. Бородавский убедительно датирует этот комплекс последней третью I тыс. до н. э.

Любопытно, что в такую обычно крайне дискуссионную область, как семантика элементов предметного комплекса одежды, поясные крючья не попали, их назначение горячих споров не вызывает. Большинство исследователей они одинаково трактуются по изображенным на них, прежде всего хищным животным, как охранники, талисманы защиты, играющие чисто функциональную роль.

Таким образом, на просторах Верхнеобского бассейна поясные крючья появляются в VI–V вв. до н. э., возможно, под определенным влиянием с сопредельных южных территорий. Эволюция данной категории

предметного комплекса одежды населения эпохи раннего железа, входящего в круг культур скифо-сакского мира, нам представляется идущей путем усложнения. Наибольшее распространение и типологическую разнообразность поясные крючья получили в IV–III вв. до н. э. Для этого времени увеличилось количество находок крючьев с орнаментированным щитком, используемых, вероятно, в качестве застежек – такие изделия распространялись в европейской Скифии и на пограничных с Китаем территориях⁴ [Гуляев, 2016; Шульга, 2010]. В то же время росло типовое и видовое разнообразие крючьев, и расширялся регион их распространения. Вместе с тем очевидно, что развитие материальной культуры – процесс не односложный, и на разных территориях он имел свои хронологическо-культурологические особенности. В силу этого вопросы о первичности появления типов крючков и стилистики их украшения остаются дискуссионными.

Список литературы

- Бородовский А. П.* Традиционные и естественнонаучные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железного века): Учеб.-метод. пособие. Новосибирск, 2009. 90 с.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л.* Археологические памятники долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.
- Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л.* Грунтовой могильник староалейской культуры Обские Плесы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 88–115.
- Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // МИА № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.
- Гуляев В. И.* Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: Ин-т археологии РАН, 2016. 104 с.
- Завитухина М. П.* Ордынские курганы V–IV вв. до н. э. (о культуре скифского времени в новосибирской лесостепи) // АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968. С. 28–34.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л.* Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 115–135.
- Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 300 с.
- Кубарев В. Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1991. 270 с.
- Кубарев В. Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
- Могильников В. А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушкинский научный центр РАН, 1997. 195 с.
- Могильников В. А., Куйбышев А. В.* Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. № 2. С. 113–135.
- Могильников В. А., Уманский А. П.* Курганы Масляха I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1982. С. 69–93.
- Ольховский В. С.* О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье: Изд-во ЗапГУ, 1999. С. 90–96.
- Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д4–5. М., 1978. 125 с.
- Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 126 с.
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Уманский А. П., Телегин А. Н.* Аварийные исследования могильника Масляха-2 // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. С. 96–99.
- Федорук А. С., Фролов Я. В., Патин Д. В.* Погребальный обряд Барнаульского Приобья скифского времени по материалам могильника Фирсово XIV (раскопки 2010–2011 гг.) // Древности Сибири и Центральной Азии: Сб. науч. тр. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. № 5 (17). С. 64–78.
- Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.
- Шульга П. И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 238 с.

⁴ Аналогичные по типам пазырыкским и больше-реченским поясным крючкам изделия отмечаются и на памятниках Синьцзяна VI–III вв. до н. э. [Шульга, 2010. Рис. 25, 83].

N. N. Golovchenko

*Altai State Pedagogical University
55 Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russian Federation*

*Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

nikolai.golowchenko@yandex.ru

ON TYPOLOGY AND INTERPRETATION OF EARLY-IRON-AGE BELT HOOKS DISCOVERED IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Purpose. Reconstruction of the clothes worn by the population of the steppe belt of Eurasia during the Scythian time is one of the most urgent tasks of national archaeology. In particular, mobile elements of the costume, such as belt hooks, have been in the focus of researchers' special attention. We describe and analyze the findings of this category discovered in the south of Western Siberia. Russian historiography addressed the issue of belt hooks of the Scythian time, but a comprehensive typology has not been provided yet.

Results. We propose a new typology of such elements of the costume dividing the belt hooks into those with a flap and without one. The items analyzed belong to the category of belt hooks. The category can be subdivided into groups according to the material – the hooks were made of metal, bone and wood. The taxonomic units in the classification are hooks with a shield and without it. There is a functional difference among them which should be taken into account. The hooks with a flap were used as zippers, while those without a flap as hooks proper. The hooks are also divided based on the totality of the characteristic morphological features of the products. They can be further subdivided according to the location of the stylistic peculiarities of their design. The territory of the Upper Ob Region being a transit region, researchers consider waist-worn metal hooks to have appeared in the region as early as the 6–5th centuries BC. The date is set quite clearly due to the availability of natural-science methods of dating that were applied to one of the sites studied extensively, the Bystrovka, Novotroitsk, Masly'akha.

Conclusion. The Upper Ob region and adjacent territories saw belt hooks appear in the 6–5th centuries BC, possibly under some influence from the adjacent southern territories. Products similar in type to the belt hooks of the Pazyryk and Bolsherechenskaya cultures, are also noted on the sites of Xinjiang 6–3th centuries BC. The evolution of this category of clothing items, which spread among the population of the Upper Ob Region in the Early Iron Age, has been traced in a range of cultures of the Scythian-Siberian world. In Siberia, it was quite a complicated process. Research shows that development of material culture as a whole is not monosyllabic. In different regions it had its own chronological and cultural peculiarities. Thus, issues on the chronology of different types of hooks and the changes in the style of their decoration remain debatable.

Keywords: The Upper Ob River Region, the Early Iron Age, typology, belt hooks.

References

Borodovskii A. P. Traditsionnye i estestvennonauchnye metody datirovaniya pogrebal'nykh kompleksov (po materialam Bystrovskogo nekropolya epokhi rannego zheleznogo veka) [Traditional and natural-science methods of dating funerary complexes (based on the Bystrovsky necropolis of the Early Iron Age era)]. Novosibirsk, NSU, NSPU, IAE SB RAS Publ., 2009, 90 p. (in Russ.)

Borodovskii A. P., Borodovskaya E. L. Arkheologicheskie pamyatniki doliny Nizhnei Katuni v epokhu paleometalla [Archaeological monuments of the Lower Katun valley during the Paleometal Age]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2013, 220 p. (in Russ.)

Fedoruk A. S., Frolov Ya. V., Papin D. V. Pogrebal'nyi obryad Barnaul'skogo Priob'ya skifskogo vremeni po materialam mogil'nika Firsovo XIV (raskopki 2010–2011 gg.) [Burial ceremony of the Barnaul Priob of Scythian time based on the materials of the burial ground Firsovo XIV (excavations 2010–2011)]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altai, GAGU Publ., 2013, no. 5 (17), p. 64–78. (in Russ.)

Gryaznov M. P. Istoriya drevnikh plemen Verhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob River in excavations near the village of Bolshaya Rechka]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on archaeology of the USSR]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1956, no. 48, 163 p. (in Russ.)

Gulyaev V. I. Zoomorfnye metallicheskie kryuchki skifskogo vremeni v Evrazii: katalog i opisaniye [Zoomorphic metal hooks of Scythian time in Eurasia: catalog and description]. Moscow, IA RAS Publ., 2016, 104 p. (in Russ.)

Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. Mogil'nik rannego zheleznogo veka Staroaleika-2 [Early Iron Age burial ground Staroaleika-2]. *Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya [Funeral ceremony of ancient tribes of Altai]*. Barnaul, AltSU, 1996, p. 115–135. (in Russ.)

Kubarev V. D. Kurgany Sailyugema [Mounds of Sailyugem]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 270 p. (in Russ.)

Kubarev V. D. Kurgany Ulandryka [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 300 p. (in Russ.)

Kubarev V. D. Kurgany Yustyda [Mounds of Yustyd]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 220 p. (in Russ.)

Mogil'nikov V. A. Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroi polovine I tysyacheletiya do n. e. [The population of the Upper Ob region in the middle – the second half of the I millennium BC]. Moscow, Pushkin scientific center of RAS, 1997, 195 p. (in Russ.)

Mogil'nikov V. A., Kuibyshev A. V. Kurgany «Kamen'-II» (Verkhnee Priob'e) po raskopkam 1976 g. [Barrows «Stone-II» (Upper Ob River) excavated in 1976]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1982, no. 2, p. 113–135. (in Russ.)

Mogil'nikov V. A., Umanskii A. P. Kurgany Maslyaha-I po raskopkam 1979 goda [Maslyakha-I burial mounds excavated in 1979]. *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoi Sibiri epokhi metalla [Issues of the Altai and Western Siberia Archaeology of the Metal Age]*. Barnaul, BSPU Press, 1982, p. 69–93. (in Russ.)

Ol'khovskii V. S. O poyasnykh kryuchkakh epokhi rannego zheleza [On the belt hooks of the Early Iron Age]. *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ya [Problems of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern Black Sea Region]*. Zaporozhie, ZapSU Press, 1999, p. 90–96. (in Russ.)

Petrenko V. G. Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n. e. [Ornaments of Scythia VII–III centuries BC]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeological Sources]*. Moscow, 1978, iss. D4–5, 125 p. (in Russ.)

Polos'mak N. V. Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in the era of Early Iron]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 126 p. (in Russ.)

Shul'ga P. I. Sin'tsyan v VIII–III vv. do n. e. (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya) [Xinjiang in the VIII–III centuries BC. (Burial complexes, chronology and periodization)]. Barnaul, AltSTU Publ., 2010, 238 p. (in Russ.)

Shul'ga P. I., Umanskii A. P., Mogil'nikov V. A. Novotroitskii nekropol' [Novotroitsky necropolis]. Barnaul, AltSU Publ., 2009, 329 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Borodovskii A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk, VO «Nauka». Sibirskaya izdatel'skaya firma Publ., 1994, 184 p. (in Russ.)

Umanskii A. P., Telegin A. N. Avariinye issledovaniya mogil'nika Maslyaha 2 [Emergency investigations of the burial ground of Maslyakha 2]. *Okhrana i issledovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya [Protection and research of archaeological monuments of Altai]*. Barnaul, AltSU Publ., 1990, p. 96–99. (in Russ.)

Vedyanin S. D., Kungurov A. L. Gruntovoi mogil'nik staroaleiskoi kul'tury Obskie Plesy 2 [Soil cemetery of Old-Azerbaijan culture Obskie Plesy 2]. *Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya [Funeral ceremony of ancient tribes of Altai]*. Barnaul, AltSU, 1996, p. 88–115. (in Russ.)

Zavitukhina M. P. Ordynskie kurgany V–IV vv. do n. e. (o kul'ture skifskogo vremeni v novosibirskoi lesostepi) [Ordynsky burial mounds of the V–IV cc. BC. (on the culture of Scythian time in the Novosibirsk forest-steppe)]. *Arkheologicheskaya kolleksiya Gosudarstvennogo Ermitaga [Archaeological collection of the State Hermitage]*. Leningrad, 1968, iss. 10, p. 28–34. (in Russ.)